

УДК 821.161.1

Николай Сергеевич Чижов,
Тюменский государственный университет
Nickolay Sergeyevich Chizhov,
Tyumen State University

МИСТЕРИАЛЬНЫЙ СЮЖЕТ В СТИХОТВОРНЫХ ТЕКСТАХ И. Ф. ЖДАНОВА

MYSTERIAL PLOT IN POETIC TEXTS BY I.PH. ZCHDANOV

Аннотация: В статье рассматриваются мистериальные особенности сюжетных событий стихотворений И. Ф. Жданова. В результате анализа выявлено, что процесс мистериального преобразования связан в текстах с актуализацией духовных потенциалов отдельного человека и человечества в целом. Символическим воплощением данных потенциальных сил в художественном мире лирики поэта является архетипический образ предвечного божественного младенца.

Summary: The article examines features of mystery-plot events in poems by J. F. Zhdanov. As a result of analysis it has been found that the process of mysterious transformation is linked in the texts with the realization of spiritual potential of a single individual and the whole humankind. Symbolic presentation of these potential powers in artistic world of poetry by Zhdanov is the archetype concept of the divine child.

Ключевые слова: архетип предвечного божественного младенца, мистериальное преобразование, Воскресение, Всеединство, мифологема Отчего Дома, возвращение.

Key words: Archetype of the divine child, mysterious transformation, the Resurrection, the all-Unity, mythologem of Father's Home, reversion.

Применение мистериального кода при формировании художественных событий в стихотворных и прозаических текстах становится одной из устойчивых особенностей отечественной литературы начиная с конца XIX века. Мистериальный сюжет представляет собой «совокупность событий и действий, включенных в определенную духовную программу, направленную на реализацию центральной задачи – достижения субъектом (он может выступать как в индивидуальном, так и в собирательном значении) идеального состояния (вечной жизни) через преодоление косного материального начала» [4, с. 29].

Тема мистериального преобразования участников лирических событий, обобщенная до общечеловеческого масштаба, отчетливо прослеживается в стихотворных текстах И. Ф. Жданова, где в качестве преобразующей силы выступает архетипический образ предвечного божественного младенца. С. М. Козлова показала, что образный язык поэта формируется на основе «доисторического и дологического мышления» [3, с. 152] и что одним из эффективных методов его интерпретации является архетипический анализ К.-Г. Юнга. Архетип божественного младенца в общечеловеческих масштабах «персонифицирует жизненную мощь по ту сторону ограниченного объема сознания, те пути и возможности, о которых сознание в своей односторонности ничего не ведает, и целостность, которая включает глубины природы» [5, с. 369]. Причем этот архетип, по К.-Г. Юнгу, способен на различные оформленные превращения: «он выражается, например, через окружность, круг или шар или через четверицу, как одну из форм целостности» [5, с. 361]. В стихотворении «Где сорок сороков» архетип божественного младенца узнаваем в образе «византийской розы» [2, с. 104] – старинного купола с «куста лепного» [2, с. 104]. Этот куст является духовной основой мира, символизирующей его

процессуальные возможности: «Есть домовый у любой остановки, / есть проводник у каждого путника, / он – как стремление куста к росту, / себя явить и восполнить образ» [2, с. 104]. Прорастая в сердце каждого человека, он объединяет людей в одно целое: «Один лучше, чем тысяча, / но ведь и он из той же, как каждый, / тысячи тысяч, с куста того же, / что растет и ширится из его сердца» [2, с. 104].

В другом стихотворении «камень» [2, с. 101], наделенный той же семантикой, что и куст, приводит к качественному изменению сознания лирического героя: «Камень плывет в земле здесь или где-нибудь, – / скол золотых времен, сторож игры и толп, / но из-под ног твоих он вырывает путь / и отсылает вверх, чтобы горел, как столб» [2, с. 101]. В художественном мире лирики И. Ф. Жданова способность испытывать чувства вины, греха и стыда становится духовно значимой характеристикой человека (ср.: «Я буду дорожить / виной или ошибкой» [2, с. 60]). И именно чувство стыда в данном стихотворении запускает механизм личностного совершенствования: «Я не блудил, как вор, воли своей не крал, / душу не проливал, словно песок в вино, / но подступает стыд, чтобы я только знал: / то, что снаружи крест, то изнутри окно» [2, с. 101]. Преображение героя проходит в соответствии с духовной программой действий, основанной на идее возвращения к гармонии архаического мира: «Не разобьешь в щепу то, что нельзя унять, / и незнакомый свет взгляд опыляет твой, / и по корням цветов гонит и гонит вспять / цвет золотых времен, будущих пред тобой» [2, с. 101].

В «Жалобах игры» просветление героя как субъекта лирических событий происходит внезапно: «Ты вернулся без спроса в себя, наугад, / в неурочное время, не в срок. / Ты очнулся и понял, что ты – автомат, / пассажиропотоков царек» [2, с. 109]. Осознание себя проходит болезненно: «Вот ты в собственном сердце болишь...» [2, с. 110]. И только после того, как он восстанавливает в себе веру в божественное провидение («И ты клюв разжимаешь ножом / в ожидании праведной вести...» [2, с. 110]), происходит окончательное преобразование: «...ты выходишь на сушу вдвоем / с сокровенной любовью, и гром / ставит знак очистительной мести» [2, с. 110]. Настоящее мистериальное действие разворачивается в стихотворении «До слова». У главного героя существуют два антиномических двойника. Тень – идеальная его проекция, выражающая онтологическую целостность человека: «И птица, и полет в ней слиты воедино...» [2, с. 78] (ср.: «...и звезды смотрят вверх и снизу не видны / <...> Им все равно, идет ли снег нагим или в рубахе, / трещат ли сучья без огня, летит полет без птиц» [2, с. 61]). Блудный немой сын, не способный завершить свое возвращение домой, – объективная данность личности героя: «...там ждут отец и мать к себе немого сына, / а он глядит в окно и смотрит в никуда» [2, с. 110]. Мистерия представлена двумя кумулятивно связанными эпизодами, которые строятся по принципу «семантического тождества при внешнем различии форм» [1, с. 39].

В первом эпизоде описывается рождение слова, которое соединяется с героем, наделяя его даром речи, что символизирует возвращение блудного сына домой и избавление его от немоты, косности существования: «Но где-то в стороне от взгляда ледяного, / свивая в смерч твою горчичную тюрьму, / рождается впотьмах само собою слово / и тянется к тебе, и ты идешь к нему» [2, с. 110]. Во втором эпизоде герой падает, как «степь, изъеденная зноем» [2, с. 110], после чего всадники Апокалипсиса «соскакивают с туч» (мотив из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова) и «свежестью разят пространство раздвижное» [2, с. 110]. Связь текста с булгаковским романом также отрефлексирована в начале стихотворения аллюзией «не хрястнут пополам» [2, с. 78]. «Пространство раздвижное» [2, с. 110], с одной стороны, означает разъединенность, рассогласованность сознания лирического «ты». С другой стороны, здесь присутствует мифологический мотив космогонического возникновения мира из яйца, что соответствует

логике мистериального преображения героя. В последней строке данного эпизода происходит восстановление целостности пространства сознания субъекта: «и крылья берегов обхватывают луч...» [2, с. 78]. Мотив круга в заключительном образе отсылает к архетипу предвечного младенца. И уже преображенный герой от первого лица (лирическое «ты», его тень и блудный сын становятся лирическим «я» текста) выступает со словом (речью): «О, дайте только крест! И я вздохну от боли, / и продолжая дно, и берега креня. / Я брошу балаган – и там, в открытом поле... / Но кто-то видит сон, и сон длинней меня» [2, с. 78].

Мотивы двойничества и встречи двойников появляются часто в лирике И. Ф. Жданова, и, как правило, они знаменуют конец света или смерть лирического героя: «И даже не во сне я вижу вдруг, / что мне знакомо в данном человеке, / а он мне не встречался никогда. / Как будто время, завершая круг, / вползает в лабиринт дактилотеки, / не дожидаясь Страшного суда» [2, с. 103].

В стихотворных текстах И. Ф. Жданова можно найти стихотворение, которое непосредственно называется «Преображение», однако озаглавленный и тематизированный процесс представлен в нем с отрицательной семантикой, так как он осуществляется за счет клятвы. А клятва, по определению поэта, невыполнима, потому что человек, давая ее, «не может предусмотреть всех причинно-следственных связей – это основа религиозного сознания. То есть тот, кто клянется, ответственен в том, что ему подвластны все детерминанты, он ставит себя на места промысла Божия. И потому неизбежно лжет, если не оставляет в залог свою жизнь» [2, с. 91–92]. В результате такое преображение для человека оборачивается потерей им ценностных ориентиров целостной личности: «Преображенный клятвой и ставший совсем другим – / всем, что клятвой измерил и чем был исконно цел, / наконец ты один, и тебе незаметен грим, / погрузивший тебя в обретенный тобой удел» [2, с. 120].

Тема мистериального преображения человека получает свое развитие в стихотворном цикле «Завоевание стихий». В нем говорится о возможности Воскресения «не простым извечным переходом из рода в род, из родины в народ» [2, с. 115]. То есть Воскресение возможно не последовательным путем, «а частным лицезрением событий» [2, с. 115], когда человек отождествляет себя с окружающими его предметами и явлениями объективной действительности: «Так возникает смутное пространство / между рукой твоей и притяженьем / земным, и что бы там ни поместилось: / весы, качели, виселицы, ямы – / орудия убийства или счета – / и сколько их? – и все они – всего лишь / продление руки для прирученья...» [2, с. 115]. Отождествляясь с ними, человек изменяет их соразмерно самому себе, поэтому преображение человека является главным условием для возникновения возможности подобного воскресения. Таким образом, в «Завоевании стихий» и в других стихотворных текстах книги формируется модель достижения органического единства мира, то есть Всеединства. Данная идея в лирике И. Ф. Жданова возникает за счет общей ориентации стихотворного творчества на сверхтрадицию архаического мира, где она была эксплицитно представлена.

Но мифологема Воскресения в ее классическом христианском понимании не отвергается поэтом, она становится основой для формирования его мифопоэтических представлений о загробном мире. Воскресение как переход к вечной жизни, где отсутствует время, дополняется поэтом пространственным содержанием, а именно – мифологемой отчего Дома: «Знать бы, в каком краю будет поставлен дом / тот же, каким он был при роковом уходе, / можно было б к нему перенести тайком / то, что растратить нельзя в нежити и свободе» [2, с. 124]. В логике данных рассуждений автора христианская мифологема получает альтернативную формулировку: «воскресение – возвращение посланника к тому, кто его послал, и оно не может произойти никаким иным путем, как

через смерть; здесь путь из бытия через небытие в сверхбытие, в вечность» [2, с. 133].

В мифопоэтических представлениях И. Ф. Жданова, отраженных в его стихотворных текстах, мифологема возвращения дифференцированно усложнена. С одной стороны, с идеей возвращения связано восстановление в сознании человечества онтологически ценностных ориентиров, свойственных мифологическому мышлению, и формирование на их основе соразмерного человечеству окружающего мира, в перспективе способного к преобразению до идеального бытия. С другой стороны, после смерти происходит возвращение души в небесный отчий дом, выступающий прообразом идеального земного бытия.

Отражение такого комплексного значения данной мифологемы происходит в стихотворном тексте «Восхождение». Композиционно текст разделен на две части, где в первой представлена картина идеального бытия, которая возникает в сознании лирического субъекта в перспективе начала его духовного восхождения. Эта картина имеет отчетливую фольклорно-мифологическую семантику, в ней узнаются характерные для народного сознания образы: «Стоит шагнуть – попадешь на вершину иглы, / впившейся в карту неведомой местности, где / вместо укола – родник, вырываясь из мглы, / жгучий кустарник к своей подгоняет воде. / Дальше, вокруг родника, деревень алтари, чад бытия и пшеничного зноя дымы» [2, с. 128]. Такая картина идеального бытия воспринимается лирическим субъектом как Воскресение, а человек – проводником «гнева и силы, не ищущей цели стыда» [2, с. 129]. Получается, что восхождение происходит внутри самого человека, когда он проводит по мистериальному пути преобразования свои страсти и грехи: «Это – твоё восхождение, в котором возник / облик горы, превозмогшей себя навсегда» [2, с. 129]. Вторая часть стихотворения построена как развернутая метафора данного тезиса. Восхождение передается через образ Георгия-Победоносца-всадника, который «...отворяет копьем пленный источник, питающий падшую плоть» [2, с. 129]. То есть оно передается через тот же гнев и силу, составляющие темную сторону человека, для того чтобы их преобразить, потому что «Всадник, заветную цель, отдающий врагу, / непобедим, ибо призван растрчивать дар» [2, с. 129]. Восхождение равносильно и избавлению красоты от чар, «прибежищем» [2, с. 129] которых она сама и является. В этот же ряд ставится и время, в котором «вечности нет» [2, с. 129], но информация о ней находится в генетической памяти человека, которая в виде припоминаний мотивирует его к действию: «Не потому ли нацеленный в сердце укол / всей родословной своей воскресает в тебе, / взвесью цветов заливая пустующей дол, / вестью племен отзываясь в пропащей судьбе» [2, с. 129]. И уже от самого человека зависит, сможет ли он воплотить образ идеального бытия в реальной действительности жизни: «Значит, шагнуть – это свежий родник отворить, / значит, пойти – это стать мироколицей всей» [2, с. 129]. Мироколица (атмосфера) здесь – символ Всеединства и архетип божественного младенца, одной из форм которого является сфера (ср.: круглоколица).

Итак, мистериальное преобразование в поэзии И. Ф. Жданова связано с активизацией ресурсов, заложенных в самой природе человечества, знаком и материализацией которых в художественном мире является архетип божественного младенца.

Литература

1. Бройтман, С. Н. Историческая поэтика [Текст] // Теория литературы : учеб. пособие для студ. филологич. Фак-тов высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. – М., 2004. – Т. 2.
2. Жданов, И. Ф. Воздух и ветер. Сочинения и фотографии [Текст] / И. Ф. Жданов. – М. : Русский Гулливер, 2006.

3. Козлова, С. М. «Божественный младенец» в поэзии И. Жданова [Текст] // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Судьба культуры и образы культуры в поэзии XX века. – Томск, 2002. – Вып. 4. – С. 149–166.

4. Чижов, Н. С. Мистериальный сюжет в стиховом творчестве Вл. С. Соловьева: единство и динамика [Текст] // От текста к контексту. – Ишим, 2011. – С. 29–32.

5. Юнг, К.-Г. Божественный ребенок : воспитание [Текст] / К.-Г. Юнг. – М. : О. АСТ-ЛТД, 1997.